

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ЕВРОПЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются идеологические основания правого популизма в Европе. Популизм представляется в качестве явления, объединяющего электорат, пострадавший в ходе экономического развития западных стран во второй половине XX — начале XXI в. Делается вывод о тесной взаимосвязи правого популизма с идеологией национализма, а также с идеями антиплюрализма и антиэлитизма.

Ключевые слова: правый популизм, национализм, Европа, глобализация.

Автор

Беляков Глеб Сергеевич

Студент магистратуры экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Правый популизм и популизм вообще — явление, далеко не новое для европейских стран. Тем не менее в качестве реальной угрозы для политической системы он начал рассматриваться после так называемой «второй волны» популизма, охватившей развитые страны вследствие экономического кризиса 2008 г. С одной стороны, кризис привел к безработице и снижению темпов экономического роста, а с другой — актуализировал давно зревшие культурные противоречия, в том числе в отношении мигрантов. В данной работе мы рассмотрим идеологические основания правого популизма, в частности, в вопросе его соотношения с идеологией национализма.

Определение популизма

В современной политической науке ведется дискуссия относительно того, что необходимо рассматривать под термином «популизм» (при всей очевидности этимологии от лат. слова *populus* — народ). В качестве рабочего мы будем использовать определение, данное

Я.-В. Мюллером: «особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность народа, который противопоставляется коррумпированному и морально деградировавшим элитам» [5].

Популизм — возрождение архаики, иррационалистического начала политики. Популистская агитация носит моралистский, а не программный характер. Она использует общественные предрассудки, не гнушается конспирологией и стереотипными клише; делит общество на «нас» (простой народ, обладающий всеми возможными добродетелями) и «них» (коррумпированная элита, мигранты, глобалисты, сексуальные меньшинства и т.д.). Популисты редко разрабатывают последовательную доктрину, часто работая над несколькими проблемами, получившими общественный резонанс.

Популизм привлекателен и для традиционных партий — борьба за голоса избирателей нередко приводит к так называемому феномену «заражения

популизмом». Появление маргинальной силы, использующей популистскую риторику, вынуждает остальные партии перенимать ее лозунги для сохранения поддержки электората. При этом популизм может «указать» системным партиям на наиболее резонансные проблемы общества — и в этом смысле он представляет собой своеобразное «зеркало» современной полиархии, демонстрирующее ее изъяны [7].

Сам по себе популизм не идеология. Популизм — инструментально используемое стратегическое видение политики, предполагающее использование дискурса, сочетающего два основных элемента: антиэлитизм и антиплюрализм. Популисты утверждают, что и «народ», и «элита» являются гомогенными группами, противостоящими друг другу; тем самым в действительности конструируют «молчаливое большинство» и «эгоистические элиты» [9]. Следующий шаг в этой логической цепочке — поставить под вопрос необходимость существования представительных институтов власти. Если народ един, а популистский лидер имеет с ним неразрывную, едва ли не ментальную связь, любое дробление народных интересов ведет к недопустимому хаосу. Это политическая сторона популизма: он способен оживить политическую жизнь, мобилизовать граждан, однако в конечном счете неизбежно вызывает выхолащивание демократии, что особенно опасно в странах с неустоявшимися демократическими институтами, таких как Польша и Венгрия, осуществивших правый поворот [1].

Специфика правого популизма

С идеологической точки зрения, популизм может иметь программный «крен» как правого, так и левого толка. Сохраняя общие для популизма установки на антиэлитизм и антиплюрализм, левый популизм делает ставку на эгалитаризм и идею социальной

справедливости. Он сосредоточивается на вертикальном дроблении социальной структуры: народ и элита¹. Правый популизм, напротив, проводит горизонтальное разделение: «другого» он конструирует не только (а часто и не столько) из элит, но и из либералов, левых, сексуальных меньшинств, мигрантов и т.д. [8]. В частности, венгерская партия «Йоббик» (Jobbik Magyarorszáégért Mozgalom) долгие годы выстраивала предвыборную агитацию вокруг цыганского вопроса^{2, 3}. Интересно, что правые популисты оказываются гораздо более свободными в вопросе выбора экономической стратегии (чего нельзя сказать о левых популистах) и вполне могут копировать программы мейнстримных партий. Гораздо больше их интересуют вопросы глобализации и культуры, а потому приход к власти таких партий далеко не всегда приводит к экономической стагнации.

Исследователь К. Мудде выделяет следующие признаки правых популистских партий: нативизм, авторитаризм и популизм [15]. Нативизм — установка, согласно которой в стране должно жить исключительно «коренное» на-

¹ Примерами левых популистов могут считаться президент Венесуэлы Николас Мадуро, «Непокоренная Франция» (La France insoumise), испанское движение «Подemos» (Podemos) и др.

² Антицыганский дискурс в целом в большей степени свойственен правым популистам Восточной Европы, где цыганские общины наиболее многочисленны и активны. Для Западной Европе актуальна тема исламских мигрантов. Так, цыгане действительно являются наименее обеспеченной частью граждан Венгрии. По некоторым оценкам, их численность может составлять от 5 до 10% населения страны.

³ Примечательно, что в 2012 г. депутат от «Йоббик» М. Дендеш попытался развить публичную антисемитскую риторику, потребовав от правительства списки евреев, «представляющих угрозу национальной безопасности». Впрочем, в Будапеште прошел крупный митинг с обвинением депутата в неонацизме, из-за чего идея не получила развития. Память о холокосте делает любые антисемитские заявления в современной Европе шагом к обвинению в неонацизме. А вот антицыганская риторика в обществе рассматривается по-иному.

селение, а авторитаризм — вера в необходимость строго упорядоченного общества.

П.В. Осколков и А.И. Тэвдой-Бурмули в работе «Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала» убедительно доказывают, что именно «маркер национализма» является чертой, отличающей правый популизм от левого [6]. Сам популизм не имеет развитой концептуальной основы и позитивной программы, представляя собой стратегию политической борьбы, и нуждается в дополнительном идейном обосновании, в качестве которого и выступает националистическая идеология. Таким образом, правый популизм может быть определен как «комбинация национализма со стратегией политической борьбы, подразумевающей антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить “нарушителей” гомогенности) и самоотжествление с народной волей».

Факторы правого поворота

Для формирования наиболее полного представления о причинах успеха правопопулистских движений необходимо обратиться к истории экономического развития западных стран во второй половине XX в. С ослаблением и падением СССР западные элиты смогли отказаться от кейнсианской политики и осуществить т.н. «неолиберальный» переход. С 1970-х гг. стимулирование экономики происходит за счет уже не государственных расходов, а все более растущей задолженности населения. Глобализация приводит к усилению потока дешевой рабочей силы, размывающего классовую идентичность пролетариата западных стран, и лишает его возможности влиять на политику [4]. Власть и капитал оказываются в руках корпораций, монополизирующих ресурсы и выстраивающих тесные

неформальные связи с государственными органами (политические сети). В политическом процессе доминируют деловые лобби — «таков результат “свободного рынка”, оставленный без внимания неолиберальными идеологами» [3]. Массовые партии снова уходят с политической арены, и на первый план выступают партии, поддерживаемые крупным капиталом и напрямую связанные с государством (картельные партии). Так либерализм расходуется с демократией.

В течение длительного времени в развитых странах происходило формирование электората, который был недоволен статус-кво, восприимчив к радикальным идеям и в начале XXI в. мобилизовался вокруг правых партий. Таким образом, правый популизм — проявление глубинных экономических и политических трансформаций западного общества.

Популисты приходят на подготовленную почву. Если ранее в общественном мнении Европы происходило четкое разделение по классовому принципу (левый/правый раскол), то сегодня доминирует идентификация, основанная на культуре (либерально-консервативный раскол) и отношении к глобализации (про/антиглобалистский раскол) [11]. Причем позиции двух последних расколов часто оказываются скоррелированы, и правые популисты выступают с консервативно-антиглобалистских позиций¹.

Правые популисты не просто апеллируют к существующим общественным противоречиям, но и прибегают к их искусственному конструированию. Так, К. Окснер и Ф. Розел исследуют вопрос формирования антимусульман-

¹ Можно выдвинуть достаточно смелое предположение, что, если подобное дробление окажется достаточно живучим, оно способно создать новый «раскол» в дополнение к тем, что сформировали современные партийные системы: центр/периферия, государство/церковь, труд/капитал, город/деревня [14]. Подобной точки зрения придерживаются и Х. Креси с соавторами [13].

ских настроений в Австрии. Австрийская партия свободы (FPÖ) под предводительством Штрахе с 2005 г. начинает активно использовать антитурецкие лозунги, конструируя образ «другого». С течением времени это действительно способствовало формированию антииммигрантских настроений у целевой аудитории. Что характерно, наибольшую поддержку они встречают в частях страны, подвергшихся разграблениям во время войн с турками в XVI–XVII вв. [16], — пример своеобразной «исторической колей».

Ключевая идея риторики правых популистов — символическое укрепление нации перед лицом якобы нависшей перед ней угрозой в виде глобализации, мигрантов или распространения универсальных постмодернистских ценностей как угрозы ценностям традиционным. Для этого они обращаются к религиозному дискурсу и попыткам (пере)изобретения национальных традиций¹ [2]. Неудивительно, что, к примеру, за праворадикальную венгерскую партию «Йоббик» (до ее реформирования) преимущественно голосовали молодые мужчины (от 25 до 30 лет) из небольших городов тех регионов,

¹ Интересна точка зрения российского философа Д. Узланера. По мнению исследователя, католицизм в данном случае носит секулярный характер, религия становится понятием, определяющим образ жизни. В свою очередь, ислам превращается в контур, включающий в себя всех без исключения мигрантов-мусульман. Это общеевропейский тренд. Если несколько десятилетий назад проблема мигрантов в Европе осмыслялась через этнические и национальные категории (проблема турков, алжирцев и т.д.), теперь — через религиозные. Религиозный язык «съел» остальные [8].

в которых наблюдается повышенное число иммигрантов [10]. Мужской и относительно низкообразованный электорат — главная движущая сила правого популизма [12]. Наиболее яркие примеры: безработные, прекариат и люди, недовольные последствиями бесшумной культурной революции, если пользоваться терминологией Р. Инглхарта.

Выводы

Итак, правый популизм является своеобразной «реинкарнацией» идеологии национализма в современной Европе. Он апеллирует к культурному расколу по вопросам евроинтеграции и глобализации и мобилизует протестное население, проигравшее от глобальных изменений, произошедших с западным обществом во второй половине XX — начале XXI в. В отличие от левого популизма, правый делит общество по горизонтали, и в условиях миграционного кризиса именно он оказывается наиболее востребованным у европейского электората. Популизм критикует институты представительства и в конечном счете может привести к разрушению демократии, а потому неудивительно, что успешный правый поворот произошел именно в Восточной Европе, лишь недавно вступившей на путь демократических преобразований. Вместе с тем популизм — это способ политической мобилизации и возвращения масс в политику, а также «зеркало», демонстрирующее мейнстримным партиям актуальные социально-экономические проблемы государства.

Литература

1. *Байме фон К.* Правый популизм в постдемократии: эрозия партий, подъем экспертов и СМИ, «Разъяренные граждане» // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2019. — № 1. — С. 23–53.
2. *Булахтин М.А.* Борьба партии «Право и справедливость» за новую модель польской республики // ARS ADMINISTRANDI. — Пермь, 2013. — С. 65–74.
3. *Гринь М.В.* «Постдемократия» К. Крауча и кризис западного демократического проекта // Общество и право. — Краснодар, 2014. — С. 268–272.

4. Крауч К. Постдемократия. — М., 2010. — 189 с.
5. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? / Пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. — 144 с.
6. Осколков П.В. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала / П.В. Осколков, А.И. Тэвдой-Бурмули // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — Пермь, 2018. — С. 22–36.
7. Паницца Ф. «Популизм как зеркало демократии». — Буэнос-Айрес: FCE, 2009. — 343 с.
8. Узланер Д. Религия и правый популизм // МВШСЭН. — URL: <https://msses.ru/media/video/dmitriy-uzlaner-religiya-i-pravyi-populizm/> (дата обращения 01.11.2022).
9. Betz H.-G. Rechtspopulismus: Ein internationaler Trend? // Aus Politik und Zeitgeschichte. — 1998. — No. 9–10. — P. 3–12.
10. Funke M. Going to extremes: Politics after financial crises, 1870–2014 // M. Funke, M. Schularick, C. Trebesch // European Economic Review. — 2016. — Vol. 88(3). — P. 227–260.
11. Gennaioli N. Identity, Beliefs, and Political Conflict / N. Gennaioli, G. Tabellini // CESifo Working Paper. — 2019. — No. 7707.
12. Knutsen O. Social structure, social coalitions and party choice in Hungary // Communist and Post-Communist Studies. — 2013. — P. 25–38.
13. Kriesi H. Globalization and the Transformation of National Political Space: Six European Countries Compared // H. Kriesi, E. Grande, R. Lachat et al. // European Journal of Political Research. — 2006. — Vol. 45. — No. 6. — P. 921–956.
14. Lipset S.M. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment / S.M. Lipset, S. Rokkan // Party Systems and Voter Alignments. — New York: Free Press, 1967. — 64 p.
15. Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 405 p.
16. Ochsner C. Migrating Extremists / C. Ochsner, F. Roesel // CESifo Working Paper Series. — 2016. — No. 5799. — 58 p.